
18+
Как долго я его ждала
Вадим Краснощёков
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Вадим Краснощеков

Как долго я его ждала

https://litres.ru/74761273
ISBN 9785007155953

Аннотация

Рассказы написанные в период с 1995 по 2025 годы и описывающие реальных людей и реальные события которые происходили в жизни автора.

Содержание

Город интеллектуальных алкоголиков 5
Домовой и пёс, или Прощание по-лемурски 7
Изгоняющий дьявола 11
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Как долго я его ждала

Вадим Михайлович Краснощеков

© Вадим Михайлович Краснощеков, 2026

ISBN 978-5-0071-5595-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город интеллектуальных алкоголиков

Разведение мостов — самое театральное действо на территории Евразии. В любом другом городе это просто инженерная процедура, но в Питере — почти священный ритуал. Добавь белые ночи, и получишь идеальный рецепт городской магии: светящаяся невская вода, силуэты дворцов-кулис и толпы людей, которые забыли, что ночь существует. Они не спят. Они пьют. Они философствуют. И, кажется, именно так и должно быть.

Петербург — единственное место, где прогулка летом требует стратегического планирования. Шарф — чтобы не продуло. Футболка — на случай внезапного солнца. Зонт — потому что дождь здесь начинается не по прогнозу, а по настроению. Местные синоптики — не ученые, а поэты: их обещания ясной погоды звучат как трогательные, но наивные стихи.

Город словно создан для того, чтобы пить шампанское на гранитных тумбах. Кто-то скажет, что это парапеты, но питерцы знают правду: это барные стойки, подаренные нам великими зодчими. На каждой умещается ровно одна бутылка и четыре бокала — математика, достойная Эйлера. А если душа просит возвышенного, всегда можно спуститься к

Неве — освободить организм и пополнить речной биоценоз. В конце концов, это экологичнее, чем делать то же самое в парадном.

Здесь никто не злится. Возможно, потому, что полиция смирилась: нельзя же оштрафовать весь город. Или потому, что питерцы — потомки тех, кто выжил в блокаду, пережил девяностые и до сих пор не сбежал в Сочи. Их психика — как местная погода: неустойчивая, но живучая. Кстати, о психике: психиатрических клиник в Питере больше, чем в Москве, хотя людей — в полтора раза меньше. Молодежь, впрочем, не унывает: многие уже готовятся стать пациентами, отращивая волосы дредами и цитируя Достоевского между глотками «Балтики».

Но в этом и есть гений места. Ты живешь в музее, дышишь историей, трогаешь руками шедевры — и постепенно сам становишься немного экспонатом. Питер не воспитывает — он сводит с ума. Или делает гением. Или и тем, и другим сразу.

Домовой и пёс, или Прощание по-лемурски

В ту ночь я остался ночевать в коробке из-под прошлого. Отец называл её «домом», но к тому моменту это был уже просто голый гештальт с облезлыми обоями и без мебели. Продажа дома — это такая магическая процедура по обналичиванию воспоминаний. Мы с отцом, как два конторских служащих, упаковали их в картонные ящики и вывезли на грузовике, оставив на складе души лишь один-единственный раскладной диван посреди большой комнаты. Он стоял там, как алтарь на месте давно упраздненного культа.

Отец, адепт практического материализма, удалился на ночь в баню — капитулировать перед воспоминаниями о своем детстве, юности и отрочестве проведенными в этом доме, о пруде. А я, пятнадцатилетний оператор сознания, лег на алтарь и погрузился в режим ожидания.

Мне тоже было что вспомнить — в этом доме и я провел свое детство, смачно сдобренное присутствием деда Ивана Ильича и его нетрезвыми песнями до полночи про «Красное солнышко». Но были и веселые моменты. Помню его сидящим перед печью с газетой «Правда» в руке и гневно восклицающим: — Правда? Нет, это все ложь! С этими словами он комкал газету и кидал ее в печь. Помню его и сидящим со

мной у нашего садового пруда и наблюдающим за развитием головастиков из икринок и лягушат из головастиков.

Я уснул. Проснулся я от того, что моё «Я» было отжато от тела, как лишний файл в переполненной оперативной памяти. Мозг — онлайн. Слух — активен. Остальные процессы зависли. Тело стало тяжелым протоколом, который я не мог инициировать. А в наушниках реальности кто-то проигрывал трек под названием «Шаги и всхлипывания на кухне». Это был не звук, а скорее вибрация, идущая из самого ядра дома, из его операционной системы. Длилось это ровно столько, сколько нужно, чтобы понять: ты не один в этом симуляторе. Потом трек закончился, и я благополучно снова вылетел в сон.

Утром я, как положено, загрузил лог-файл ночных событий в материнскую базу данных. Мама, главный инженер семейной мифологии, без колебаний поставила диагноз: «Домовой». А чуть позже, после недолгого апгрейда, уточнила: «Дед Иван Ильич. Скрипит, плачет, не хочет, чтобы его память выносили на помойку нового времени».

Прошли годы. Я, как и все, перешел на более новую версию реальности, патч «Взрослый Рационалист». В ней все квесты с привидениями легко проходятся с помощью читкодов из учебников по психологии. Тот случай был банальным сонным параличом — глюком драйвера сознания, спровоцированным нестандартными условиями загрузки. Я удалил его из списка нерешенных задач.

Но симулятор любит подкидывать сайд-квесты, которые не проходят по грин-карте рациональности и спустя пятнадцать лет, в новом доме отца, у нас был пес Анчар, он же Анчи. Он был не просто псом, а сложным алгоритмом с меховой оболочкой, запрограммированным на преданность и невероятное чувство юмора. Его юмор заключался в том, чтобы делать вид, что он не понимает команд, которые ему не нравились. Мы синхронизировались. Наша связь была установлена на уровне, не требующем слов — чистый обмен пакетами чистой, немой привязанности.

Однажды я вернулся из длительной командировки и сразу перешел в режим сна. И тут система дала сбой. Снова тот самый глюк — интерфейс тела не отвечает. Я был заперт в своей биологической клавиатуре. И в этот момент я ощутил его. Это был запрос на подключение.

Рядом с кроватью стоял Анчи. Я не видел его — зрительный порт был отключен. Я читал его данные. Его собачье дыхание — не звук, а волновая функция присутствия. Его сущность, его уникальный цифровой отпечаток. Он простоял так несколько тактов процессорного времени, передавая пакет данных, который мое сознание прочитало как «я здесь». А затем развернулся и пошел в угол комнаты где его сигнал бесследно затух. Не как уходящий за дверь, а как файл, перемещенный в корзину. Стирание из реальности.

Утром отец, администратор этой реальности, выдал служебную информацию: «Анчи умер. Несколько дней назад».

Объясните это, если ваши драйверы позволяют. Я не знал. Мой мозг не мог смоделировать то, о чем не имел данных. Это был не сонный паралич. Это был прямой аплинк, посмертный сеанс связи. Запрос на отключение от системы, завершенный успешно.

Теперь я знаю. То, что мы называем «душой», — это просто уникальный идентификатор пользователя в общей сети. И иногда, перед тем как аккаунт будет окончательно удален, система ненадолго разрешает отправить финальное сообщение.

Прощание — это просто лог-аут. А любовь — это пароль, который никогда не обновляется.

Изгоняющий дьявола

Город встретил нас с Андреем пыльными улицами, разбитыми тротуарами и выцветшими от времени вывесками. Надпись: «Загорск» кое-где ещё проглядывала из-под свежего слоя краски — будто призрак советской эпохи не хотел окончательно сдаваться. В воздухе витало странное ощущение: будто время здесь текло медленнее, чем в Москве, всего в часе езды отсюда.

Киоски с дешёвыми иконками, крестиками и «святой» водой в пластиковых бутылках теснились вдоль дороги к Лавре. Бабки в платках шептались о чудесах, продавая свечи и сушёные травы «от порчи». Одна, с мутными, будто затянутыми пеленой глазами, схватила меня за руку и прошипела: «Ты с чёрным пришёл, парень. Скинь с себя, а то беда будет». Я отшатнулся, а она тут же растворилась в толпе, словно её и не было.

Лавра же стояла неприступной крепостью — золотые купола сияли даже сквозь серое небо, а стены, помнившие ещё преподобного Сергия, дышали древностью. Но чем ближе мы подходили, тем сильнее чувствовалось что-то… нездешнее. Будто сама земля здесь была пропитана молитвами, страхами и надеждами тысяч людей, приходивших сюда веками.

Небольшими группами ходят, раскрыв рты иностранные

туристы и рассматривают хитросплетения арочных сводов. С восторженными, удивленными лицами и тенью непонимания на них, они бродят между зданиями храмов увлекаемые экскурсоводами с табличками. Они не до конца понимают, что это не музей, что тут служат Всевышнему. Это только они, нафталиновые, приезжают сюда фотографироваться на фоне куполов, многие же едут, а кто-то пешком идет ради исповеди, молитвы и покаяния. Они надеются быть ближе к создателю, верят в то, что Он обратит на них свое внимание, надеются на то, что им это зачтется когда-то там… потом. Приходят за святой водой из фонтана, кто-то — чтобы приложиться к святым мощам. Это религия, без нее тяжело жить человеку — слабому созданию. Религия как костыли для инвалида — с ней легче идти по жизни. И, чем более слабым, чем более немощным становится человек, тем чаще начинает он обращать лик свой к Богу, просить прощения за грехи, содеянные неосмотрительно в молодости.

И идут, и идут со всей России. Идут сами и приводят с собой больных и умирающих, идут, в Сергиев-Посад, в Лавру, к отцу Герману, — изгоняющему дьявола. А слава о нем по всей России, от Владивостока до Архангельска идет. Будто демонов нечистых может навсегда из тела изгнать силой своей проповеди и будто хилых, и уродливых излечивает. Говорят, что в течение службы пена ртом у некоторых идет, женщины не своим голосом орать начинают, да и огнедышащие попадаются, время от времени. Что из этого, правда, а что

вымысел узнать можно было только очно, и я, пользуясь случаем, поехал. А случай был важный. Приехал я сюда не по своей воле, а по нужде. Лена уже сильно болела и доктора ей не помогали.

«Изгнание дьявола»

В храме собралось человек триста. Было душно, как в бане. Воск капал с подсвечников, оставляя на полу следы, похожие на застывшие слёзы. Люди стояли, перешёптываясь, но их голоса сливались в странный гул — будто не они говорили, а кто-то за них. Напряжение нагнеталось с каждой минутой все больше и больше. Стояли те, которые стоять не могли, перетаптываясь с ноги на ногу, стонали. Смиренные взгляды старух и пожилых женщин, совсем не смиренные взгляды женщин бальзаковского возраста и совершенно отвлеченные от мира сего глаза умственно недоразвитых детей и подростков, но все они невольно были направлены в сторону алтаря, — будто там, должно произойти нечто сверхъестественное.

Вдруг одна из женщин, лет сорока, с перекошенным лицом, закричала: «Они здесь! Они смотрят!» — и упала на колени, скребя ногтями по полу. Её быстро увели, но после этого в толпе началось какое-то движение. Кто-то застонал, кто-то забормотал молитву, а двое мужчин в углу вдруг синхронно перекрестились, хотя священник ещё даже не появился.

Незаметно для себя люди загораживали проход вновь

приходящим. Из-за этого молодому, подстриженному как современный репер, пономарю, неудобно было носить ведра с водой к алтарю. Пономарь раздраженно, но не громко просил, чтобы люди разошлись и, ради Христа, дали ему закончить работу. Люди понимающе на него смотрели, но в свой адрес его слова почему-то никто не относил. Женщины, как и везде, правда, несколько тише, болтали друг с другом. Пономарь же говорил, что женщина в храме христовом должна рот на замке держать.

Ни с того ни с сего дебелая, здоровая девица начала громко ругаться. С ней происходило нечто страшное. Она лупила своими толстыми ручищами мужика с украинскими усами, как оказалось позже ее отца. Посылала его к черту, собственную мать называла сукой и кричала, что ее все задолбали. По щекам отца текли слезы. Пришла монахиня с распятием и молитвой успокоила разбушевавшуюся девку.

Когда отец Герман двумя часами позже обещанного вышел, зал вздрогнул и тяжело выдохнул. Он был высок, сухопар, с пронзительными серыми глазами, которые, казалось, видели не только людей перед собой, но и что-то за ними. Его голос звучал глухо, будто доносился из-под земли:

— Бесы боятся не креста, им нужна пустота в вашей душе. А у вас, — он медленно провёл взглядом по залу, — у многих внутри именно пустота.

И тут началось. Женщина с перекошенным ртом завыла, как зверь, и повалилась на бок, брызгая слюной. Мужчина в

пиджаке вдруг заговорил на каком-то гортанном языке, которого никто не понимал. А дебелая девка вдруг внезапно засмеялась — смех был настолько неестественным, что даже Андрей, скептик до мозга костей, схватил меня за руку.

— Ты видишь это? — прошептал он.

Я видел. И самое страшное было не в криках и не в конвульсиях. А в том, как отец Герман спокойно подошёл к каждому, коснулся их лба, и они… затихали. Будто кто-то выключил их на секунду, а потом вновь вставил обратно в реальность.

После

Мы вышли на Красногорскую площадь, где пахло жареной рыбой и пивом. Где-то вдалеке ещё слышались отголоски молитв, но здесь уже царила обычная жизнь: мужики торговались за сигареты, девчонки смеялись, а из хриплых колонок в кафе доносилась дешевая поп-музыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.